

О БАЛКАНСКИХ СЛАВЯНСКИХ МИКРОЯЗЫКАХ

Иван Доровский

Свое изложение о славянских микроязыках как балканизме начну несколькими воспоминаниями о проф. д-р Р. Мразеке, кандидате филологических наук. Прежде всего — проф. Р. Мразек был моим учителем на философском факультете. Он мне внушил один очень важный принцип: перед началом подготовки любой темы в форме статьи, очерка или монографии необходимо прочитать все основные труды, написанные по данной теме и обращать внимание, главным образом, на разработку библиографии так, чтобы автор мог сопоставить свои взгляды, точки зрения и изложения с изложениями, взглядами и точками зрения своих предшественников или современных коллег.

Много моих воспоминаний о проф. Мразеке относится к периоду, когда я уже окончил факультет и начал работать на кафедре иностранных языков университета в Брно. Много своих статей и очерков славянского сравнительного характера Роман Мразек основывал на материале, выписанном прямо из оригинальных художественных или специальных текстов отдельных славянских языков, а не из словарей. Мразек часто заходил ко мне и брал на время книги в македонском, сербохорватском или болгарском оригинале и после их прочтения и проведенных выписок с соответствующими грамматическими или синтаксическими явлениями он спрашивал меня о возможностях употребления, об их частотности или же об их чешских эквивалентах. Мразек также просил от меня дать ему к чешским или русским фразеологическим конструкциям эквиваленты из балканских славянских и неславянских языков. И всегда, когда он своим неповторимым филологическим чутьем осознавал, что приведенные мною фразеологические конструкции единственно правильные, отвечая его представлениям и подтверждают его теоретические выводы, он всегда очень радовался.

Однажды Мразек взял у меня книгу македонского автора Стале Попова "Крпен живот" (в переводе "Замтопанная жизнь"). Книга написана разговорным македонским языком с примесью многих диалектных, местных и областных слов. При ее чтении Мразек обнаружил много частиц и междометий, которые были для него неясными и непонятными. Он выписал конструкции со своеобразными частицами или междометиями, которые являются определенным языковым балканизмом, и просил меня подробно объяснить их функции в предложении, после чего долго удивлялся тому, что нечто подобное возможно в балканских языках.

О каких частицах и междометиях шла речь? Это были следующие частицы и междометия: *ма, мари, мори, море, бре, брей, бре-бре-бре*. Некоторые из них, напр. *ма, мари, мори*, употреб-

ляются при обращении к лицам женского пола, другие, напр. частица *бре*, *бреј* (или болг. *бе*) употребляются при интимном обращении к лицам мужского пола или же при выражении удивления, неожиданности и т. д. Сравни: *Слушај ма!* = Ты, слушай! - *Што велики, ма?* (болг. разг. *Какво казвам, ма?*) = Что ты говоришь?

В отличие от македонского (и болгарского) языка в сербохорватском языке частица *ма* употребляется, во-первых, в форме слова и частицы с уступительным или противительным значением - "но, однако, хоть, хоть бы": *И јунак види опасност, ма се од не не преза.* = И герой видит опасность, но (однако) ее не боится; *Да је ма један дошао.* = Хоть бы пришел один; *Узећу ма један од них.* = Возьму хоть один из них; во-вторых, со значением противительного союза: *Ма немојте!* = Не говорите! В-третьих, в сочетании с относительными местоимениями и наречиями *любой, возможный, любое, возможное место, время - ма где* = где бы то ни было; *ма како* = как бы то ни было; *ма какав* = какой бы то ни было; *ма ко* = кто бы то ни был; *ма мта (мто)* = что бы то ни было; *ма на који начин* = каким бы то ни было способом. В македонском и болгарском языках такое выражение невозможно, однако в новогреческом языке приведенные примеры (конструкции) отвечают эквивалентам *Ма опов ва'ваи, ма оти ва'ваи* и т. д.

Македонские частицы *мари* (*мори*) употребляются при обращении к женщине, а частица *море* - при обращении к лицам мужского и среднего рода: *Што прави мари (мори) Иванке?* = Ну, что делаем, Иванка? - Или: *Мари (мори) жено, што се тие работи?* = Ну, женщина, что за дело? - *Море!* = Эй, слушай! - *Де море!* = Ну-ка! - *Море да види море.* = Да ну, тебе видеть море./Это и море. В сербохорватском языке усиленное междометие выражает поощрение, побуждение: *Море, иди!* = Да ну, иди же! - *Удри га, море!* = Да бей же его!

Македонские междометия (частицы) *мари, мори, море* соответствуют греческим эквивалентам *морѣ, врс* или частице *калѣ*, употребляющейся при обращении к лицу женского рода.

Македонская частица *бре*, *бреј* и болгарская частица *бе* чаще всего соответствуют греческой частице *врс*. Ср. мак. *А бреј, се може?* = Да ну, возможно ли это? Ого, возможно ли? и греческое *А врс, мпврс?* = Возможно ли? Македонская частица *бре* и греческая частица *врс* часто эквивалентны сербохорватскому междометию *бре-бре!*, выражающему восклицание с оттенком удивления. Ср. мак. и греч.: *Бре? врс?* = Да ну? Seriously? - Или же *бре, бре, бре* (греч. *врс, врс, врс*) с таким же значением. Сербохорватская частица *бре* также соответствует греч. частице *врс*. Ср. с.-х. *Бре, мта кажем?* = Да ну, что ты говоришь? и греч. *Врс, ти лѣс?* = Да ну, что ты говоришь?

Вероятнее всего можно предполагать, что македонская частица *бре*, *бреј* и греческая частица *врс* (и болгарская частица *бе*) являются редуцией повелительной формы сумествительного брата (*brate!*), которая затем как *врс* или *мпрс* была принята греческим языком. В таком случае македонское предложение *А бре брате* или греческое предложение *Врс аблѣѣ* являются плеоназмами.

Балканская славянская территория долгое время оставалась для лингвистов-славистов "terra incognita". Только В. И. Григорович¹, в половине 40-х годов прошлого века путешествуя по отдельным областям Балканского полуострова, о результатах своих исследований информировал П. И. Шафарика.² Григорович прежде всего убедился в том, какая разница между болгарскими восточными и западными - македонскими - наречиями. Различия, описанные Григоровичем, являются в современном македонском литературном языке основными знаками, отделяющими его от болгарского литературного языка.³

Не известно и то, что именно В. И. Григорович был одним из первых, кто обратил внимание на т. наз. perfectum resultativum типа *ventus sum* и *factus habeo* (*сум дожден, имам направено*), о котором, как о романском типе перфекта (промежного времени), писал почти сто лет спустя Богуслав Гавранек.⁴ Эти особые явления глагольных конструкций, о которых некоторые слависты говорят как об "экзотических", были, как известно, в центре внимания и Романа Мразека. При том бесспорно, что также в этом случае можно говорить о балканизме. О роли византийского и новогреческого языков в формировании балканизмов писал еще в межвоенный период К. Сандфельд.⁵

Особым типом балканизма я считаю также т. наз. литературные балканские микроязыки, хотя они известны в целом славянском языковом ареале. А. Д. Дуличенко приводит двенадцать славянских литературных микроязыков.⁶ Из них восемь находится или прямо на территории Балкан, или же непосредственно связаны с балканскими славянскими языками. Это следующие литературные микроязыки: русинский (центр - Русский Керестур и Новый Сад), градишско-хорватский (в Бургенланде-Градише и Вене), молизийско-хорватский (в Молизии, сегодня Кампобассо в Италии), прекурско-словенский (северо-восточная Словения с частью Венгрии и Австрии), далее чакавский, кайкавский, банатско-болгарский и резянский (в Резии, Италия).

Кроме вышеназванных славянских литературных микроязыков, в прошлом на Балканах были две попытки формировать другие литературные языки или микроязыки. Первая попытка связана с еще неоконченным экспериментом формировать венецианско-словенский вариант словенского литературного языка. Она имеет свое начало в прошлом веке, однако, продолжалась также и в нашем столетии. Вторую попытку сформировать новый славянский литературный язык представляет т. наз. эгейско-македонский литературный язык, появившийся в начале пятидесятих годов нашего столетия. По характеристике Дуличенко, это тоже "попытка создать микроязык на основе местных наречий".

Очевидно, что указанные славянские литературные микроязыки никак не совпадают с двенадцатью славянскими литературными языками. Ясно также то, что Дуличенко называет микроязыком то, что другие лингвисты означают как региональную форму национальных языков. По моему мнению, некоторые лингвисты неправильно смешивают микроязык с т. наз. культурным диалектом.

Советский лингвист М. А. Бородина уже десять лет тому назад писала на основе материала из французского языка о региональных языках, региолекте, региональном наречии. Когда она

пишет о субстандартных формах дачного языка, она говорит о регионализмах и региональных чертах. Понятием "региональный язык" Бородина обозначает напр. французский язык в Бельгии, Швейцарии или Канаде. Она различает два варианта, занимающих промежуточное место между литературным языком и его диалектами: во-первых, язык, на котором говорят внутри данного государства-нации, во-вторых, язык, на котором говорят вне его границ. Такое понимание языка Бородиной могло бы распространяться также напр. на греческий язык в Греции и на Кипре, на турецкий язык в Турции, на Кипре, в Болгарии и Югославии, на албанский язык в Албании и в Югославии (в области Косово и Македонии), или же на армянский язык в Армении и за ее границами (причем у армянского языка речь идет о двух литературных формах - западноармянской и восточноармянской').

На основе такого разделения М. А. Бородиной некоторые болгарские лингвисты (напр. Иван Кочев) стремятся доказать, что в случае болгарского языка границы его распространения никак не совпадают с настоящей болгарской государственной территорией. Они утверждают, что настоящий македонский язык, который формировался как литературный почти половину столетия тому назад, является фактически региональным вариантом, региональным языком современного болгарского литературного языка. Это, однако, утверждения, которые на пороге XXI столетия возвращают науку примерно в шестидесятые годы прошлого века. С подобными утверждениями нельзя согласиться, так как они не имеют научного обоснования.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- 1 ГРИГОРОВИЧ, В. И.: Очерк путешествия по европейской Турции. Казань 1848, 2-е издание Москва 1877.
- 2 GRIGOROVIC, V. I.: Svědectví o slovanských apoštolích v Ochrídě. Časopis Českého muzea, 1847, 508-521.
- 3 DOROVSKÝ, I.: Nářečí a spisovný jazyk. In: Jazykovédné symposium 1971, Brno 1973, 87-92. Též anglicky: Dialects and standard Language. Македонски јазик, 32-33, 1981-1982, Скопје 1982, 227-233.
- 4 HAVRÁNEK, B.: Románský typ perfecta factum habeo, casus sum, casus habeo v makedonských dialektch. In: Sborník prací věnovaný památce prof. dr. P. M. Haškovce, Brno 1936, 147-154.
- 5 SANDFELD, K.: Linguistique balkanique. Problèmes et résultats. Paris 1930.
- 6 ДУЛИЧЕНКО, А. Д.: Славянские литературные микроязыки. Таллин 1981.
- 7 DOROVSKÝ, I.: Bilingvismus, diglosie a tzv. mikrojazyky na Balkáně. SPFFBU, A 35, 1987, 35-43.